

Правды о цветах нет,
есть наука ботаника.
Виктор Шкловский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятию *культура* даются различные определения. Если понимать под культурой системное производство продуктов материального и духовного свойства и такую же передачу их значений и механизмов их создания во времени, то подобное ее видение неизбежно должно опираться на понятие *опыт*. Тогда системно передаваемый от поколения к поколению социально значимый опыт будет являться собственно культурой. Опыт же приобретается в ходе соприкосновения человека и групп людей с окружающей действительностью. Соприкосновения не только в страдательном залоге (ср.: «испытание»), но и активного (ср.: «опытный»). В русском языке «опытный» — это «искусившийся опытом, бывалый, знающий и умеющий, живший, выдавший, делавший много» [Даль, 1999, т. 2, с. 688 — 689]. В аварском языке «опыт» буквально означает «пробу сил» (*xIalbixyi*, от *xIal* — ‘сила’ + *bixyi* — ‘проба’).

Активное соприкосновение/контактирование человека с окружающей действительностью своим начальным моментом имеет чувственное ощущение, которое переходит в устойчивое (и потому уже отчасти системное) ощущение внешних структурных характеристик объектов и процессов материального мира. Подобное ощущение будет восприятием, которое есть «нахождение себя в ином», «знание иного плюс знание себя» [Лосев, 1993, с. 512 и след.]. Соответственно, восприятие человеком или группой людей окружающего мира во всем разнообразии его форм, проявлений — это **мировосприятие** или **мировоззрение**, и оно является рефлексией через приобретаемые и усваиваемые способы организации опыта.

Если рассматривать культуру в ее отношении к природе и обществу, то к первой она обращена вещественно-предметной деятельностью, удовлетворяющей потребности людей, а ко второму — организационно-коммуникативной деятельностью, «создающей форму для того содержания, которое несет с собой общество». Отношения общества и культуры могут рассматриваться в различных категориях, например, как «содержание — форма» и т. п., однако в целом, действуя взаимно, они образуют «культурные способы опредмечивания общественных отношений» или социокультурные явления и процессы. Последние складываются и проявляют себя в ходе опыта, т. е. контактирования общества с внешним миром, восприятия себя в нем — в его природных условиях, в его времени, тем самым создавая «особый тип предметной реальности» [Каган, 1996, с. 95—97]. Предметная же реальность включает разнообразные общественные формы (социальные институты), а

также формы организации пользования материальными объектами (природными угодьями — землей и т. п.) — через включение общества в природный макрокосм и организацию «своего» пространства и «своего» времени — микрокосма — в нем. Это создает условия для жизнеспособности общества как организованной, т. е. искусственно, точнее «культурно» сформированной целостности или социокультурной модели. «Свое» пространство такой модели подразумевает, что при любых естественных пространственных формах окружающей среды люди делают их своими — искусственными, выделяя центр и периферию, т. е. вводя в системные отношения, «окультуривая», что необходимо уже для ориентации в жизненном процессе. «Живое» (чувственное) восприятие мира совмещается с категориальным его восприятием, выработанным в условиях функционирования социокультурной модели, целостности. Здесь можно говорить о «своем способе переживания мира» как отражении общественной практики (опыта) или о «своем особом способе восприятия мира (каждой. — Ю. К.) цивилизацией» [Гуревич, 1972, с. 17]. «Концептуальные и чувственные категории», совокупно творя систему, создают при различных обстоятельствах разные «цивилизации».

Сорок лет назад появилась книга востоковедов Г. и Г. А. Франкфуртов, Дж. Уилсона и Т. Якобсена, которую они назвали «попыткой понять взгляд древних жителей Египта и Месопотамии на окружающий их мир», и они реализовали такую попытку, проследив различные варианты «связи между страной и культурой». Контрастность пустыни и возделываемой земли в Египте, особая осязаемость природных циклов (от каждодневного до годовых) со строгой «упорядоченностью» разливов Нила, однообразие и симметричность ландшафта наложили, по мнению авторов, глубокий отпечаток на культуру древних египтян. Последний нашел выражение в четком следовании пропорциям, создававшим гармоничное равновесие в изобразительном искусстве, в стремлении к симметрии в космогонии и теогонии. Опосредованно это же проявилось в государственной системе, во главе которой стоял «идеальный правитель», сочетавший милость с устрашением («подобно тому как солнце и Нил милостивы, но грозны в своей производительной мощи»). Отличную картину мира являла Месопотамия, где «природа не сдерживала себя, во всей своей мощи она сокрушала и попирала волю человека, давала ему почувствовать во всей полноте, сколь он ничтожен». Иначе чем в Египте жители Месопотамии моделировали космическое государство и во многом повторявшую его земную модель государства [Франкфорт и др., 1984].

Ярко написанное исследование стало в свое время (а для подавляющей части отечественной аудитории через 20 лет) событием. Сейчас найдутся желающие упрекнуть его авторов в тех или иных недочетах либо ошибках, например в концептуализации местности. Действительно, подход современного конструктивиста не приемлет этого.

«Переживание подлинности пространства, — пишет один из таких ученых безотносительно к упомянутой книге, — это единственное, что делает обращение к нему чем-то иным и большим, нежели исследование образов и схем пространства как частного случая в общей культурной картине мира. Но само это переживание подлинности может оказаться не подлинным, точнее говоря, противоположность подлинного и не подлинного рискует утратить

смысл в той же мере, в какой... любой более или менее внятный способ концептуализации местности может быть интерпретирован как социальный и культурный феномен» [Филиппов, 2002, с. 51]. В несколько ином ракурсе скепсис может быть выражен через «проблему восприятия и переживания пространства не только как несомненности, но и как результата выученного, концептуализированного взгляда» [Тишков, 2003б, с. 288].

Однако откуда берется «выученный, концептуализированный взгляд»? Во многом из различных форм и видов опыта, а не только из голов озабоченных разными проблемами так или иначе ангажированных лиц. Конечно, можно говорить, что, например, чеченское общество нынешних времен вполне современно (и принадлежит к «культуре» едва ли не постиндустриальной), и все в событиях, наблюдаемых в Чечне в последние двадцать лет, обусловлено почти заурядными проблемами многих постсоветских обществ, только при особых обстоятельствах (см., напр.: [Тишков, 2001]). Однако вряд ли удастся действительно понять эти «события» вне историко-культурного контекста жизнедеятельности данного общества на протяжении, по крайней мере, последних веков. Своя специфика была, существует и переживается этим обществом, а равно и другими обществами как системно функционирующими организмами с собственным социальным опытом¹. И если в них конструируется этничность или нечто другое, отчасти подобное или, наоборот, противоположное ей, либо «социальность» иного порядка, то резонно полагать, что происходит это во многом по «своим» схемам и моделям и со «своей» спецификой. А специфика определяется многими факторами (перечислять которые почти бессмысленно ввиду их множества), и если некоторые факторы в последнее время оказываются не столь действенными, как прежде (что требует изучения), то это не означает, что на формирование самой социокультурной модели они не оказали в «свое» время при определенных условиях должного влияния. И потому вряд ли следует напрочь отвергать значение в том числе «концептуальных и чувственных категорий», которые, судя по всему, принимают активное участие в формировании системы «картин мира» — различных в разных условиях. И эти категории тоже являются слагаемыми указанного опыта.

Их значение может интерпретироваться различно. В сочинениях в стиле философского эссе «концептуализацию местности», «переживания пространства» в «национальном образе мира» не возбраняется подавать прямолинейно. «Если степь безымянна и безгранична, то в горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это способствует укреплению в человеке самостоятельности и в то же время себялюбия, оригинальничанья; защищает от искусственной централизации, но и создает опасности раздробленности» [Шубарт, 2000, с. 15]. Или: «В России, где Космос — равнина, там Социум — горы: таким должен быть, в противовес Природе. А в Грузии, где Космос — горы, Социум должен быть прост,

¹ Влияние «традиционного» социального опыта населения Чечни и Дагестана на принципиально несхожие сценарии развития политических процессов в соответствующих республиках в последние десятилетия показаны в статье Э. Х. Кисриева [Кисриев, 2004а]. Сошлюсь также на работы социального психолога Георгия Нижарадзе, который в ряде проблем современного грузинского общества резонно видит влияние социокультурного наследия прошлого (см., напр.: [Нижарадзе, 2000]).

„равнинен“, сглажен — и так слажен...» [Гачев, 2002, с.162]. Такова специфика жанра, у которого есть свои преимущества и свои недостатки. Но вряд ли нужно абсолютно сторониться этих категорий и в работах академического жанра, ибо трудно при исследовании конкретных культур избегать (не видеть, что, однако, не означает изобретать и конструировать самим) специфики переживания (восприятия) их носителями — обитателями конкретных экологических зон, жителями определенных исторических эпох — того же пространства и времени (см., напр.: [Дмитриев, 2001; 2004: Культурный ландшафт, 2004; Этноэкологические аспекты, 2005]). Это специфика «нахождения себя в ином», где символы, как «специфические эффекты системности», будут присутствовать. И «изобретенные в головах» (желательно не в своих) соответствующие конструкты тоже будут являться продуктами системности. И потому можно и следует заикнуться об изучении системностей или систем в их многочисленном единстве, в каждом случае своем.

* * *

В название работы в качестве равнозначных долей вынесены «мировоззренческие аспекты культуры» и «социальный опыт». Эти понятия равноценны, ибо взаимообусловлены. И если общая композиция представленного текста создает впечатление о первичности одного и вторичности другого, то это будет только издержкой несовершенства авторской передачи материалов.

Под «мировоззренческими аспектами культуры» я подразумеваю те слагаемые опыта, которые формируются в ходе адаптации социальной группы в конкретной природной нише, на протяжении длительного времени и при переживании (ощущении) ею исторического времени², в восприятии самой себя в окружении подобных ей групп, что совокупно обуславливает принципы самоорганизации такой группы, такого сообщества и делает его социокультурной системой определенной модели.

Мировоззренческие аспекты не предопределены «переживанием пространства», но включают его в свое «тело» в качестве актуального ракурса и ресурса «нахождения себя в ином». Другим актуальным и даже, как представляется, более важным для социального опыта ракурсом саморефлексии группы в окружающем мире является формируемый социокультурной системой образ дома, не сводимый к образу жилища, но подразумевающий модель самоорганизации группы и ее отношений с соседями, которые могут жить по схожим, но чаще живут по отличным законам такой же самоорганизации. Образ дома — идеальной модели устройства «своего» мира подразумевает для его создателей, что в нем они добиваются бо́льших успехов — на должном уровне находится воспроизводство, растет благосостояние, в обществе имеются места для претендентов на лидерство и социальных аутсайдеров и др. Такой дом — это заведенный порядок, наделенный отличительными внешними чертами. Подобные черты, согласованные со временем (историческим) и пространством,

² Подобное переживание/ощущение можно оценить, рассматривая в комплексе культуру той или иной социальной группы; наиболее же удобно это делать на примере изменений в объектах материальной культуры.

концептуализируют образ дома. Домошное решение переживания пространства и времени в каждом случае оригинально, так что «дом» жителей горных районов Дагестана кардинально отличается от синхронных ему «домов» обитателей всех иных областей Кавказского региона. И хотя собственно жилище народов горного Дагестана может вызывать ассоциации с оным горцев Ближнего Востока и Афганистана, однако оно является предельно оригинальным, ибо его решение сложилось в результате опыта жителей здешних мест благодаря их включенности в тамошнее пространство, благодаря опыту, приобретенному в пережитое и проживаемое время прошлого и настоящего.

В начале работы я сосредоточу внимание на мотиве «переживания пространства», конкретно — гор. Назову его мотивом, ибо подобное переживание действительно может являться конструктом творчества отдельных людей в разных ситуациях и в различных целях, что желательно проследить и уточнить. Однако вряд ли стоит априори исключать «реакции» культуры и ее носителей на «свое» и «чужое» пространство, «реакции», которые способны находить отражение в разных формах социального опыта. Материалы большинства глав, связанные с разнообразными явлениями культуры горцев Дагестана, должны скорректировать эти и иные предположения. Не общие характеристики социально-исторического, семиотического, цивилизационного и других подходов, а анализ конкретики (в ее подчас утомительно большом объеме) способен, как видится, приблизить к более или менее объективным оценкам характера взаимодействия мировоззрения и социального опыта. И такой же подход позволяет иначе, чем ныне распространено, взглянуть на проблему Кавказской войны XIX в., на ее идеологию и практику³. Иначе уже потому, что образ «дома», маркирующий центр «своего» микрокосма или же составляющий сам микрокосм, определенно влияет на взаимоотношения его обитателей с соседями — ближними и дальними, с которыми на протяжении исторического времени сложился оригинальный порядок отношений, и теми новыми соседями, которые появляются в орбите жизнедеятельности дома-микроскосма с собственными порядками. С учетом закономерностей функционирования культуры, развития социального опыта в прошлом (если такие закономерности удастся выявить) можно более взвешенно пытаться оценивать и явления, которые происходят в дагестанском обществе в последние годы и в настоящий момент. Таковы цель и основные задачи настоящей работы.

* * *

У Адама Мицкевича в цикле «Крымских сонетов» есть стихотворение с примечательным для настоящего случая названием: «Вид гор из степей

³ Одним из парадоксов современного исторического кавказоведения является то, что при крайне негативном отношении ученых Северного Кавказа к интерпретации причин и истоков Кавказской войны, которую более двадцати лет назад предложил М. М. Блиев (о ней подробнее см. в 3-й и 4-й главах), равноценный ответный ход с их стороны предпринят не был. Поэтому «концепция» Блиева в настоящее время является весьма популярной в науке, а его работы признаются «самыми фундаментальными» на тему Кавказской войны (см., напр.: [Война и ислам, 2000, с. 12, 17; Гагагова, 2001, с. 51; Гордин, 2000, с. 33]).

Козлова». Михаил Лермонтов сделал его вольный перевод под влиянием личных кавказских впечатлений.

Аллах ли там воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?..

Название моей работы подразумевает взгляд на горы и их обитателей из болотистого Петербурга. Попавшего в горы впервые они завораживают грандиозностью (а могут испугать, подавить, как случилось с одним моим компаньоном по одной из экспедиций) — очень многое в них выглядит кардинально иначе, отличаются здешние люди и каноны их жизни.

В свою очередь, по свидетельствам некоторых моих друзей-кавказцев, при первом знакомстве с ровной бескрайностью лесов Северо-Запада России или с осенне-зимней безликостью голой степи Украины их глаз требовал в обзоре некой преграды — огромных размеров стены, которая бы замыкала пространство, а лучше — ярких вертикалей гор. Еще рассказывают о некоем самодеятельном художнике, на картинах которого дороги почти всегда нарисованы идущими вертикально; для зрителей это было непонятным до тех пор, пока они не узнавали о его горском происхождении. Отсюда вторая составляющая названия работы — взгляд с гор.

Это маленькие, очень частные зарисовки «переживания пространства», которые, конечно же, не следует абсолютизировать (а может быть, и совсем принимать в расчет). Однако в таких «переживаниях» имеется интрига. Не навязываю ее, но предлагаю проследить на различных материалах, имеет ли реальное основание использование такой интриги в оценках истории и культуры горцев Дагестана. Материалы, которые будут здесь изложены, я собирал с начала 1980-х гг. в библиотеках, в архивах, в этнографическом поле⁴. Они не исчерпывающи, но, как представляется, в целом репрезентативны.

Завершая предисловие, хочу привести такую цитату: «Если скудость ума, недостаток опытности в современных делах, слабые познания прошедших делают сочинение мое ошибочным и малополезным, то, по крайней мере, я прокладываю путь тому, кто, обладая бо́льшими достоинствами, бо́льшим красноречием и проницательностью, сумеет выполнить его удовлетворительнее...» Автор закончил фразу так: «...Поэтому если я не заслуживаю похвалы, то не должен быть подвергаем и порицанию» [Макиавелли, 1998, с. 147]. В свой адрес я готов принять все заслуженные порицания.

⁴ Я благодарен коллегам-этнографам А. И. Азарову, Ю. М. Ботякову, Е. Л. Капустиной, Е. Б. Кочетовой, А. В. Курбанову, А. Ю. Синицыну, а также художникам Ю. М. Карпову и П. В. Семенову, которые в разные годы помогали мне собирать материал во время экспедиционных поездок на Кавказ.